

О науке и не только

<http://inkaraganda.kz/index.php?article=11558>

Индустриальная Караганда. - 2015. - 26 дек. (№ 191). - С. 4.

Автор: Виталий МАЛЫШЕВ, доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, член Союза журналистов РК

В начале 90-х, в бытность мою директором Химико-металлургического института, мне позвонил на работу Абылкас Сагинович и крайне любезно попросил, если это возможно, наполнить водой две фляги из нашего институтского артезианского колодца. Я удивился: ведь он мог передать эту просьбу через своих помощников, и она была бы незамедлительно исполнена, тем более что чистая родниковая вода, конечно же, нужна была ему для поддержания здоровья.

Да и сам тон просьбы был каким-то извинительным, с искренним нежеланием причинить беспокойство. Но в этом был весь Абылкас Сагинович с его природной, родниковой деликатностью по отношению ко всем без исключения, в чем проявлялась и его прирожденная мудрость.

Эти же черты прослеживаются в содержании его записной книжки как плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Спасибо за инициативу издания этих записок академику Арстану Мауленовичу Газалиеву, правда, с не совсем удачным названием, которое получилось, скорее всего, из-за спешки. Не претендуя на полный анализ содержимого названных заметок – это просто невозможно – хотелось бы понять причину появления тех из них, которые созвучны мне как человеку, работающему долгие годы в науке. Ведь не случайно из огромного множества высказываний, изданных в форматах под названием «В мире мудрых мыслей», выбраны именно те, что заслужили внимание академика. К тому же наряду с ними родились и собственные, не менее сокровенные утверждения. Каждое из них настолько самодостаточно, что их можно упоминать в порядке появления в этом своеобразном издании без какой-либо классификации. Вот некоторые, показавшиеся мне злободневными и претендующие на долговечность, по крайней мере в отношении науки.

«Хотим мы это признать или не хотим, русский язык, по сути дела, является не только языком межнациональных отношений, но и вторым государственным языком. Исходя из этого следует, на наш взгляд, поднять уровень казахского языка хотя бы до уровня русского языка, не жалея для этого ни времени, ни средств. Это наши реалии, и от этого никуда не уйдешь».

По этому поводу реалии еще более ужесточились, ведь рейтинговые научные издания относятся не только исключительно к русскоязычным, но еще более к англоязычным. Требования по соответствию высокому импакт-фактору и индексу Хирша становятся чуть ли не террористическими, поскольку от них зависит судьба выполняемых научных проектов. Характерно, что эти требования исходят от правительственных структур, от тех же самых, которые нацеливают на повсеместное употребление казахского языка. Провозглашенное триязычие – это и прекрасная цель, и колоссальная проблема. Здесь, как нигде, нужна сагиновская мудрость и деликатность.

«Охаивать все, что достигнуто при советской власти, на наш взгляд, совершенно недопустимо. Не вина рядовых людей и коммунистов в том, что делалось в верхах». Что касается науки, то ее организация в СССР говорит сама за себя выдающимися достижениями в космосе и атомной энергетике на основе приоритетного развития фундаментальных исследований в области математики, физики и химии. Эта организация сохранилась в России, и там западные новшества проверяются без излишней спешки, в порядке выборочного эксперимента. Что касается негативных проявлений при подготовке научных кадров по системе кандидатских и докторских диссертаций, то у нас эти проявления благополучно перекочевали в подготовку «докторов философии» с формальным руководством зарубежных ученых и формальной зарубежной (очень краткосрочной) командировкой. Но, возможно, это облегчит утечку навсегда из Казахстана наиболее способных ребят, имеющих конвертируемые на Западе дипломы.

«Рынок не является тем спасительным кругом, который поможет всплывать и достичь берега благополучия и процветания. А что же тогда может вывести наше общество и государство на уровень развитых в экономическом, социальном и культурном плане? Мировой опыт показывает, что такими рычагами являются, помимо экономических реформ и их совершенствования, всемерное развитие образования и науки».

Подобное развитие наверняка предполагает государственную поддержку, а именно базовое финансирование государственных научных учреждений. Оно и установлено, но только для административно-хозяйственного персонала. Ученые в лабораториях вынуждены существовать только на рыночных грантах, без минимальной базовой зарплаты, которая позволила бы проводить поисковые исследования, прежде чем они окажутся достаточными для формирования заявок на гранты. Эти гранты рассчитаны на выполнение работ от начала исследований до внедрения не более чем за три года. Такое понимание отдачи от фундаментальных исследований, способных породить инновации, равносильно пожеланию перенести роды на третий месяц беременности. Такая «поддержка» ученых – это карикатура и на государственную и на рыночную стратегию развития науки.

К слову сказать, развитые государства стали таковыми благодаря умению трудящихся добиваться справедливого отношения к своему труду и своей профессии, но у нас этому научились только шахтеры, металлурги и нефтяники. Ученые в основном протестуют ногами.

Как нельзя кстати здесь мудрость Абылкаса Сагинова поднимается до высот философского обобщения: «Интеллектуальный потенциал Казахстана – достояние республики, народа, национальное богатство, такое же, как недра земли, вода, леса. И так же, как мы беспокоимся о сохранении леса, плодородии почвы, чистоте рек и озер, полном извлечении запасов недр, мы должны всемерно заботиться о сохранении и приумножении интеллектуального потенциала республики». Сейчас же молодого специалиста принять в институт можно только по какому-либо трехлетнему гранту, без гарантии сохранения этого специалиста после срока действия гранта. Базовое штатное расписание для ученых, а тем более молодых, нынешними государственными установлениями не предусмотрено.

Весьма показательны в отношении к научному творчеству использование академиком изречений великих мыслителей.

Плиний: «Удары судьбы уничтожают слабых и делают еще сильнее сильных». Как тут не вспомнить судьбу академика Букетова, девяностолетие со дня рождения которого отмечалось в этом году и жизнь которого в науке проходила на глазах Абылкаса Сагиновича при полной его поддержке?

М. Салтыков-Щедрин: «Перехват-Залихватский въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». О ком бы это? Не о тех ли, кто попеременно въезжает в Министерство образования и науки, чтобы радикальными реформами вмиг улучшать дела в деликатнейшей композиции образования и науки, сложившейся самым естественным образом на протяжении многих сотен лет? Но после всех этих реформ осталось в памяти только пресловутое слово «оптимизация».

Эйнштейн: «Когда вы с чувством удовлетворения окончили свою статью, тут только и нужно начинать ее писать. К этому моменту вы обрели ясное и логичное представление о том, что вы, собственно, хотите в ней сказать». Конечно же, здесь речь идет о предельно взыскательном отношении к научной работе, поскольку наука как таковая направлена на доказательное обоснование нового знания, на продолжение выяснения истинной природы и причины изучаемой закономерности, сколько бы времени на это не потребовалось, вплоть до жизни нескольких поколений ученых. К самому Эйнштейну это относится самым непосредственным образом, тем более что в этом году отмечается столетие со времени формулирования общей теории относительности, которая полностью изменила представление об устройстве мироздания и продолжает развиваться целыми поколениями выдающихся физиков, математиков и философов.

Кстати, Альберт Эйнштейн был и проникновенным философом, об этом можно судить по его замечательной статье «Почему социализм?», опубликованной в 1949 году в первом номере журнала «Мансли ревью». В ней он утверждает, что «действительная цель социализма состоит именно в том, чтобы преодолеть «грабительскую фазу» в развитии человечества», отождествляемую с капитализмом, при котором «производство осуществляется ради прибыли, а не для пользы», что и приводит к «уродованию социального сознания личностей». «Это уродование личностей я считаю самым большим злом капитализма. Вся наша система образования страдает от этого зла. Чрезмерное чувство конкуренции прививается студентам, которых приучают высоко ставить успех как

подготовку к будущей карьере». Надо ли подражать такому Западу? И как в этом свете выглядит последняя инициатива нашей научной бюрократии по «коммерциализации науки»? Вообще же за всем этим стоит искаженное восприятие науки как изобретательской деятельности, как чего-то утилитарного, как рыночного товара. Отсюда продажность рецензирования и все «прелести» конкуренции на фоне грядущего очередного резкого сокращения финансирования науки. И некому встать на ее защиту.

Вот ведь что нашлось в записной книжке Абылкаса Сагинова, сказанное Платоном: «Удивление – мать науки». Этому вторит лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин в своих книгах с пожеланием способности молодежи к удивлению, и даже на его надгробии в Брюсселе написано (на бельгийском): «Удивление – источник творчества». За какие деньги можно купить или продать удивление? Как его запланировать? Способных к удивлению перед тайнами природы можно только отбирать и создавать им условия для спокойной кропотливой работы с хотя бы достойным содержанием. И всё!

К этому прямо относятся слова Л.Н. Толстого: «Я не мог и не могу войти в школу, чтобы не испытывать прямо физического беспокойства, как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Островского и как бы узнать, кому что нужно».

А вот, возможно, самое главное. Л.Н. Толстой: «Жалею не только о том, что не получил строгого гуманитарного образования, больше жалею, что недостаточно занимался философией. Вся глупость человеческого действия начинается от незнания ее основных законов». Каждый человек, а тем более ученый, рано или поздно задается вопросом: почему все так устроено? Крах коммунистического мировоззрения произошел не потому, что неправильными были идеи равенства, братства и свободы, а из-за того, что для достижения этой цели потребовалось уничтожение частной собственности, а заодно и частной инициативы, заложенной в природе человека. Эта природа настолько же разнообразна, как и все мироздание, но его устройство до сих пор не увязано с человеком, и поэтому нет единого мировоззрения.

Основные моменты рационального поведения человека установлены в монотеистических религиях – христианстве, исламе и иудаизме, исповедующих единство мира в лице некой трансцендентной сущности – Бога, непознаваемой в принципе и доступной только путем веры. Но для природного критического ума человека этот путь неприемлем. Можно твердо верить только в то, что основные законы мироздания существуют, и они будут открыты. Возможно, что все катаклизмы, которые переживает человечество, это не только следствие отклонения от соблюдения этих законов, но и стимул для их познания. Этот стимул действует на каждое мыслящее существо и в первую очередь на тех, кто занимается наукой. Это сверхзадача для каждой ее отрасли, так или иначе приближающейся к обобщению в рамках единого мировоззрения. Отсюда и наивысший критерий ценности научных разработок – не уровень внедрения, а уровень обобщения полученных результатов, который должен всегда предшествовать появлению истинно инновационных решений.

А. Матъез: «Утилитаризм, который поощряет только приложения науки, в конечном счете работает во вред самому себе».

Альфред Монд: «Теории, которые казались понятными только сверхматематику, стали орудиями, благодаря которым теперь разрешаются трудности, встречающиеся в заводской практике».

Не зря и совсем не просто так именно такие изречения отозвались в душе человека, который прошел большой, трудный и славный путь в науке!

В год столетия со дня рождения Абылкаса Сагиновича Сагинова академик продолжает существовать как интеллектуальное достояние республики, воздействуя на умы и сердца своих соотечественников приобщением к мудрости тех, кто оставил яркий след в истории человечества.